

Грохот открывающихся ворот в охотничьи угодья возвестил о начале охоты, и молодые господа, сгорая от нетерпения, вывели своих скакунов. Лай собак, лёгкий звон натянутых тетив и неумолимый ритм барабанов мгновенно накалили атмосферу до предела.

Внезапно, послышался топот копыт, прокатившийся сквозь толпу. Дуань Чжао, каким-то чудом оказавшись уже в седле иссиня-чёрного коня, резко дёрнул поводья и остановился у самой платформы: «Ли Аньле, ты снова поедешь со мной в этом году? Мне тревожно оставлять тебя одного в лесу, учитывая твоё хрупкое здоровье».

Ли Аньле лишь небрежно бросил: «Посмотрим».

Зная, что Ли Аньле терпеть не мог, когда его считали слабым, Дуань Чжао не стал настаивать. Он лишь лукаво улыбнулся и взмахнул кнутом: «Олень в западном лесу свиреп. Промедлим – упустим шанс. В конюшне есть мерины. Если хочешь ехать сам, справишься».

Ли Аньле промолчал, а затем обернулся к стоявшему рядом Хэ Ланьлин: «Говорят, мужчины с северных границ – непревзойденные наездники и лучники. А как у тебя с верховой ездой?»

Хэ Ланьлин опустил взгляд и тихо ответил: «Неплохо».

«Что значит «неплохо»?» — настаивал Ли Аньле. «Возьмёшь меня с собой в этот раз?»

Сердце Хэ Ланьлина сжалось. Он понимал, насколько Ли Аньле хрупок, и сколь осторожным нужно быть в седле. Если он не будет уверен, что сможет его удержать, даже малейший толчок или неуверенное движение...

Он уже готов был отказаться, промямлив: «Боюсь, я не справлюсь», как вдруг услышал голос Ли Аньле, бросившего мрачный взгляд на него: «Подумай, прежде чем ответить».

Этот взгляд был полон вызова, возможно, даже давления.

Хэ Ланьлин опустил голову и произнес: «Нет проблем. Я непременно позабочусь о хоу, чтобы он благополучно вернулся домой».

«Вот это уже лучше», — радостно заметил Ли Аньле и повернулся, чтобы сойти с платформы.

Дуань Чжао, внимательно слушавший их, мгновенно оживился. Он хлопнул себя по седлу и, смеясь, воскликнул: «Отлично! Мужчины северных земель – молодцы! Как только окажемся в лесу, устроим охотничье состязание: посмотрим, кто первым одержит победу!»

Конюшни приютились на опушке леса, охраняемые особым смотрителем. Ещё издали доносилось ржание и стук копыт. У входа в конюшню воздух был густо напоён ароматом сена, смешанным с запахом кожи. Десятки породистых лошадей стояли в стойлах.

Неподалёку несколько слуг усердно убирали навоз. Увидев Ли Аньле и его свиту, они разом прекратили работу и низко поклонились.

Один из слуг, более сообразительный, узнав Ли Аньле, шагнул вперёд: «Господин, ищите лошадь? Я сейчас же приведу вам самую смирную, которая будет идти спокойно...»

Но Ли Аньле лишь махнул рукой: «Нет нужды». Он поднял взгляд на Хэ Ланьлина, слегка приподнял подбородок, давая ему понять, что тот волен выбирать сам.

Хэ Ланьлин понял. Его взгляд скользнул по табуну, задержавшись затем на чёрном коне,

стоявшем в углу. Лошадь лоснилась, полная сил и энергии. Хэ Ланьлин подошла к нему, и конь, к его удивлению, спокойно прижался головой к его руке.

«Вот этот», — сказал Хэ Ланьлин.

Слуга на мгновение замялся, затем бросил быстрый взгляд на Ли Аньле. Хоть он и видел, что этот человек прибыл с хоу, его статус был ему неясен, а говорить опрометчиво он не решался.

Лишь после лёгкого кивка Ли Аньле, слуга, словно получив разрешение, принялся льстить Хэ Ланьлину: «У молодого господина превосходный вкус! Эта лошадь — самая великолепная в наших краях. Обычные люди не смогут её укротить. Только человек с вашей статью сможет!»

Слуга быстро отвязал поводья, вывел чёрного коня из стойла и передал его Хэ Ланьлину. Тот взял поводья, коснулся стремян и ловко перекинул ногу через круп.

Усевшись в седло, Хэ Ланьлин посмотрел вниз на Ли Аньле, стоявшего под лошадьё, и протянул руку: «Господин, прошу, садитесь».

Ли Аньле, положив ладонь на его запястье, собрав последние силы, вскочил в седло и разместился перед Хэ Ланьлином. Он слегка повернулся, явно ища удобное положение. Мгновение спустя Ли Аньле откинулся назад, прислонившись спиной к груди Хэ Ланьлина, и уютно устроился в его объятиях.

Хэ Ланьлин на миг напрягся, затем медленно расслабился. Его руки скользнули подмышки Ли Аньле, крепко обхватив его талию, а ладони легли на поводья, оберегая его. Ли Аньле прижимался к груди Хэ Ланьлин, слегка склонив голову. Вдруг он спросил, и в его голосе не было ни тени эмоций: «Давно ты верхом не ездил?»

Хэ Ланьлин крепче сжал поводья: «Четыре года. Не садился в седло с тех пор, как поступил во дворец, в пятнадцать лет».

Услышав это, Ли Аньле усмехнулся, в его голосе прозвучала нотка насмешки, словно он невзначай шутил: «Хм, четыре года не ездил, а смеешь соглашаться взять меня под свою опеку».

«Я ни за что не позволю, чтобы с хоу что-нибудь случилось», — твёрдо заявил Хэ Ланьлин, крепче сжимая руки.

Пока они разговаривали, стоявший неподалеку Дуань Чжао не выдержал. Подгоняя коня кнутом, он крикнул: «Вы что, застряли? Если не двинетесь, всю дичь другие растащат. Не пеняйте потом, что не предупредил!»

Ли Аньле не стал продолжать прежний разговор, лишь сказал: «Поехали».

«Да», — ответил Хэ Ланьлин, осторожно сжимая бока лошади ногами. «Вперёд!»

Получив команду, чёрный конь встал на дыбы и рванул вперёд. Увидев это, Дуань Чжао быстро направил свою лошадь вслед. Две лошади, одна за другой, взметнули фонтаны пыли и вскоре растворились впереди идущей толпе охотников.

Когда они углубились в охотничьи угодья, лес стал гуще, и издали послышался топот копыт и ржание лошадей. Дуань Чжао, зорко осматриваясь, указал на открытое пространство впереди: «Там олень! Смотрите, какая блестящая шерсть, какой боевой вид!»

Не успел он договорить, как Ли Аньле внезапно приподнял подбородок и сказал Хэ Ланьлину: «В котомке на крупе лошади лежат стрелы и лук. Достань их». Услышав это, Хэ Ланьлин тут же повернулся, вытянул длинную руку и сняла мешок с крупа лошади. Сначала он передал лук Ли Аньле, а затем повесил колчан на седло рядом с ним.

Ли Аньле выпрямился, положил пальцы на тетиву и медленно натянул её, целясь прямо в пятнистого оленя, на которого указывал Дуань Чжао. Едва слышный звук натянутой тетивы был почти незаметен, но Дуань Чжао, ветеран поля боя, не мог его не уловить. Ещё до того, как стрела сорвалась с тетивы, он уже знал, куда она попадет.

Однако он намеренно сохранял спокойствие, по-прежнему держа в руках кнут и пристально наблюдая за своей добычей.

«Глухой удар». Стрела крепко вонзилась в тело оленя.

«Превосходная стрельба!» — воскликнул Дуань Чжао, хлопнув по седлу и взревев: «Ли Аньле, у тебя что, нет военной этики? Я первым его заметил!»

Его яростное выражение лица было таким, словно у него украли что-то самое дорогое. На самом деле Дуань Чжао отлично знал, что происходит.

На высокой платформе он небрежно сказал: «Ты слаб, поэтому я приготовил для тебя кастрированного жеребца...» Ли Аньле тогда промолчал, явно сдерживая гнев.

Если бы Дуань Чжао действительно хотел сражаться, обладая рефлексами, отточенными на поле боя, разве он позволил бы этой стреле попасть в цель? Он просто подчинился желаниям Ли Аньле и позволил ему выплеснуть свой гнев.

Выпустив стрелу, Ли Аньле покачнулся, лицо его побледнело, и он медленно ослабил тетиву. Тело его обмякло, и он откинулся назад, в объятия Хэ Ланьлина.

<http://bllate.org/book/17608/1648675>